

Сергей Федорович, только что мы отметили 45-летие Победы. Тема «человек и война» — пожалуй, ключевая в вашем творчестве. «Судьба человека», «Они сражались за Родину», «Война и мир», «Ватерлоо». С какими мыслями вы встречали этот праздник?

— В последнее время обо мне вспоминают как об участнике, ветеране Великой Отечественной обычно накануне праздника Победы. Да, я действительно воевал. Это было на Северном Кавказе — в Ростове, Грозном, Армавире, Моздоке... Никаких героических поступков я не совершал. Воевал, как все. А после войны, занявшись кинематографом, свой первый фильм посвятил теме человека на войне. Без военного опыта я бы не смог, конечно, этого сделать. Свой подвиг — человеческий, гражданский, художнический — удалось совершить не в военное — в мирное время. За достижения в кинематографе, за «Войну и мир», к своему 60-летию удостоен звания Героя Социалистического Труда. И к этому званию отношусь очень серьезно. Ибо в моих работах аккумулировались огромные усилия: и здоровье, и знания. Все то, что к этому времени удалось познать. И, конечно, вспоминая войну, думаю о великом для нашего народа празднике — 9 Мая, я вспоминаю моих фронтовых друзей. Мало их осталось. А память о них у живых недолгая. Кинорежиссер Юрий Вышинский во время войны был боевым летчиком, Алексей Темерин — тоже фронтовик, замечатель-

Сергей Бондарчук,
народный артист СССР:

ный кинооператор, педагог, а проводили их совсем недавно — равнодушно... Очень больно об этих вещах говорить. Но надо.

— Сергей Федорович, смотрите ли вы новые фильмы режиссеров послевоенного поколения?

— Только что посмотрел, например, новый публицистический фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя». И нахожусь под большим впечатлением от увиденного. Слова в данном случае неуместны. Казалось, ну что еще можно сказать нового после сотен публикаций в прессе, телевизионных репортажей по болевым точкам нашей многострадальной страны, после серии блестящих фильмов документалистов.

Но Говорухин имел гражданскую смелость говорить от своего имени. Он увидел и запечатлел острейшие пики наших «деяний». Собрал их воедино. И обрушил на зрителя. Фильм очень горький. Но все, что в нем показано, к сожалению, правда. Это можно назвать народной трагедией. Великие греческие драматурги такого не придумали бы. И Данте с его беспредельной фантазией в «Божественной комедии» не мог пред-

«ЕДИНЕНИЕ В ДОБРЕ»

Сов. культура. - 1990. - 19 мая. - с. 10

положить, что доведется испытать нашему современнику. Что выпадет на долю сегодняшнего поколения людей, живущих на шестой части планеты и именуемой Советским Союзом.

Только что я вновь вернулся из Италии. Незабываемое впечатление произвела на меня встреча в Ватикане с папой Иоанном Павлом II. Я имел счастье видеть реставрированное гениальное творение Микеланджело — вершину художнического духа — фрески Сикстинской капеллы, его «Страшный суд». Так вот, в фильме Говорухина есть эпизоды, которые приближаются, на мой взгляд, к этим апокалипсическим видениям. Не оглядываясь, не боясь, что скажут «там», режиссер проявил высочайшую гражданскую смелость.

Каждый здравомыслящий человек, посмотрев эту картину, подумает: что делать? Не руководителю, не начальнику, не партии, а самому себе.

По моему мнению, выхода может быть два из сложившейся в стране ситуации: либо — пулю в лоб, либо — работать. Да, заниматься творчеством, отстраняться от внешних проблем, сейчас невозможно. И все же то, что мне уда-

ется еще сделать, я сделаю с прозревшими глазами...

Собираюсь сегодня, после многолетнего перерыва (я пока без творческой самостоятельной работы, возглавляю только творческое руководство студии «Время» на «Мосфильме»), сделать новый фильм.

— Поговаривают, что о Екатерине Великой?..

— Пока не скажу. А то опять не дадут спокойно работать. Создадут, как это уже бывало не раз, «общественное мнение»... Да, фильм будет историческим. Но, надеюсь, там будут и ответы на то, что происходит сегодня в стране.

— Как, на ваш взгляд, в такое время искусство может помочь людям?

— Если бы мне предложили написать роман о главной проблеме века, то и часа бы жизни своей не потратил на это. Но если бы мне предложили написать роман, который будут читать и сопереживать, и плакать, и смеяться, — то этому я посвятил бы всю свою жизнь. Не ручаюсь за абсолютную точность цитаты, но именно эта мысль Льва Толстого — ответ на ваш вопрос.

— В чем, по-вашему, конечная цель

искусства? И как сопрягается с ней то, что мы сегодня называем «чернуха».

— Полагаю, что целью истинного искусства во все времена были и остаются людское единение в добре. Любовь и добро. Вот два необходимых условия на звание Человека. То, что проповедуют христианство и искусство. В наших учебниках есть другое определение искусства, которому я не следую. Такое искусство никому не нужно. Есть искусство захождения, как определил философ Николай Федоров, а есть искусство воскрешения. Так, искусство, которое я не признаю сегодня, — спекулятивное, лживое, антигуманное, разрушительное, — что и есть «искусство захождения».

— Что, по вашему мнению, изменилось в кинематографе после V съезда СК СССР?

— Да мало что. С точки зрения облегчения, улучшения технического оснащения и качества исполнения фильмов — ничего не произошло. Можно ли сегодня поставить «Войну и мир» или фильм, подобный этому по объему творческих и производственно-технических затрат? Исключено!

База техническая «Мосфильма» разва-

лилась, и люди ушли. Они не чувствуют себя больше как дома. Они больше не мосфильмовцы. И еще — мешают разговоры. Слишком много говорим.

Если говорить о положительных результатах реформ в кинематографе, то следует в первую очередь сказать о главном завоевании — свободе творческой. Теперь мы можем выбирать и осуществлять все, что душе угодно. Только вопрос: а какова эта душа сама? Да, мы освободились от чиновничьей кабалы. Но вот парадокс — из нас, творцов, сегодня стараются сделать чиновников.

— Сергей Федорович, вы прошли в искусстве и в жизни огромный путь со всеми взлетами и неудачами. О чем вы сожалеете сегодня?

— О годах. О времени. Человеку слишком мало отпущено. Чаплин говорил, что одной жизни мало для того чтобы создать один шедевр.

А великий Микеланджело в почти 90 признавался: «Я только теперь познал азбуку искусства». Предела совершенству для истинно творческой личности нет. Оно безгранично, как космос. В этом есть определенная печаль, но и одновременно надежда. Как и в том, что все, что сделано, было не зря.

И еще: я верю, убежден, когда-нибудь появится художник, который создаст реквием по нашему поколению...

Интервью вела
Елена КАРАКОЛЕВА.